

Теоретические основания плюралистической трактовки реальностей

Проблема плюрализма, как известно, давно вышла из рамок собственно политической, идеологической сфер, распространяясь и на другие сферы жизни, тем самым идеологизируя и их, ибо требование (или отказ) в плюралистичности, к чему бы оно не относилось, — всегда идеологично.

Современная же «ситуация постмодерна» в качестве специфического культурного мировосприятия современной эпохи характеризуется прежде всего именно требованием признания необходимым, даже обязательным плюрализм во всех сферах жизни (а не только в мыслительной). С расширением поля распространения (хотя бы в качестве заявленного) плюрализма, расширяется и само понятие плюрализма, которое отныне не замыкается в границах первоначального его понимания. От признания допустимости, множественности мнений к признанию возможности и даже необходимости множественности реальностей, различных форм бытия, сознания, жизненных позиций, — вот эволюция современного плюрализма, проявляющаяся в науке, искусстве, философии, и даже в обыденной жизни.

Множественность реальностей, их равноправие и равноценность, текстуальность — во всём этом чувствуется главная особенность нового, постмодернистского видения мира: приоритет плюральности над центрирующим, всё собой обосновывающим единством, а также неприятие логики власти и господства в любых её формах. Но насколько реальны эти множественные реальности, насколько равноправны и равноценны, текстуальны? Не имеем ли мы дело с простой декларацией философии постмодернизма? Имеет ли основу этот плюрализм к реальностям и в самих реальностях?

Чтобы ответить на эти вопросы, я думаю, прежде всего необходимо разобраться с онтологическим статусом основных, значимых для постмодернизма (и не только), реалий: текста, реальности яви и сна

(который, ещё с Лакана, признаётся текстуальной реальностью, т.е., будучи текстуальным как текст и реальным как явь (действительным?), совмещает в себе обе эти реалии).

Интересно начать с рассмотрения онтологического именно сновидения, самой естественно-плюралистической по содержанию реальности, в которой всё возможно — невозможно же только удивление. Не потому ли невозможно удивление, что реальность сновидений также действительна, как и реальность яви, но не та же действительность?

И действительно, самое удивительное во всех сновидениях, как обыденных, так и самых несуразных — это то, что в них мы совершенно ничему не удивляемся. Так не удивляться не получается даже наяву. Возникает вопрос: «отчего это происходит?». Чтобы ответить на этот вопрос, а вернее хотя подойти к ответу на него, следует, по-моему, обратиться к онтологической проблематике, а именно к категориям реальности и существования.

Как известно, наяву разум столкнувшись с чем-то необычным, в первую очередь удивляется, во сне же, даже сохраняя способность мыслить, притом чётко, логично и ясно, разум всегда забывает удивляться: он сразу начинает размышлять о самых странных и необычных явлениях, которые своей необыкновенностью оборачивают все здравые рассуждения разума в нечто алогичное, парадоксальное, а чаще — просто абсурдное. Любое здравое рассуждение об абсурдных вещах обнаруживает свою абсурдность.

Не в этом ли проявляется «эффект реальности» сновидения для сна во сне? Мы не умеем изумляться тому, что для нас очевидно. И эффект реальности любой (и сна, и яви) реальности — не в том ли, что мы не только чувством, но и своим разумом (да и всем своим существом: во сне как и наяву нет отстраненности, какая, например, существует между событиями, описываемыми в книге, и читателем книги) принимаем наличное (происходящее) как «так и должно быть», «само собой разумеющееся». Если бы люди не имели способности и возможности наблюдать явь (и жить в ней и ею), а ограничивались только способностью и возможностью видеть сновидения, тогда единственной реальностью для них была бы сновидческая. Так же и с явью. А так как человек способен (и вынужден) время от времени бывать то в одной, то в другой реальности, тогда возникает сомнение насчёт единственности, причем исключительной единственности (исключающей все остальные) какой-либо одной из этих реальностей, и вообще в реальности какой-либо из этих реальностей.

Это сомнение возникает из сравнения, из памяти об одной реальности во время пребывания в другой. Но память — всегда о прошлом, а прошлое как нечто не настоящее, т.е. не бытующее в настоящем времени как наличное, не является реальным (= настоящее: настоящее — это то же самое реальное, взятое в модусе времени), а в лучшем случае — эрзацем реального. Реальное — это всегда то, что сейчас есть (= настоящее время + существование = то, что «существует в настоящем времени»).

Кстати, чем отличается реальность от существования? Тем, что имеет степени (это скорее модус энергии + материи (хотя энергия — иной вид материи), говорит о степени реализованности, осуществлённости, воплощённости). Отсюда могут быть и эрзацы реального и разные виды реальности (с различной степенью материализованности), в том числе и такие, которые для других видов реальности не будут иметь право считаться реальностями (например, художественная реальность какого-либо произведения искусства по сравнению с реальностью яви не будет считаться реальностью, по крайней мере столь же «реальной» и равноценной).

Зато существование — это модус наличия. Оно не имеет степеней. Оно либо есть, либо его нет. Его поэтому и модусом трудно назвать, так как оно не имеет видоизменений. Оно не так привязано ко времени, как реальное. Оттого в нашем мире можно в прошлом существовать и реальным быть в прошлом, но быть реальным прошлому (в качестве именно прошлого) невозможно. Зато существовать прошлому можно (но существовать прошлому как прошлому в настоящем времени нельзя).

Категория существования более категорична и не приемлет неопределённости, промежуточности, градуированности, зато она менее конкретна, чем категория реального. Оно (существование) просто говорит о наличии (есть/ нет), но не говорит о качественной, модальной, темпоральной характеристике этого наличия (грамматические формы этой категории, обычно выражаемой в языке глаголом, т.е. привязанные ко времени, — здесь не рассматриваются). Таким образом, можно отметить, что категория существования — конституирует факт наличия, но не описывает этот факт. Можно, конечно, конкретизировать данную категорию через определение применимости её (вернее её «частных представителей») в определённых рамках, очертить поле её распространения (где, когда, как), но именно такая конкретизация приводит к появлению новых категорий — той же реальности, действительности и т.п., но это всё не размывает саму категорию «существования»: она и оттого не становится менее существенной.

Кстати, выражать категорию существования через глагол не очень-то корректно. «Вещь существует»: вещь (что делает?) существует. Возникает впечатление, будто вещь делает, производит своё собственное существование. Такая путаница происходит оттого, что существовать можно по-разному: один раз — таким образом (например, в качестве живого существа), другой раз — иным образом (например, в качестве трупа). Но как-то не принято задумываться, что как бы вещь не существует — хоть таким, хоть таким образом, она во всех этих и иных случаях существует, просто существует. Она либо есть, либо её нет. Либо она, либо не она. Мысль о промежуточных состояниях существования, а также о существовании как деянии, производстве или качестве («предикате», по И. Канту, разоблачившего несостоятельность подобного представления), возникает из-за феномена смерти, наличия пограничных состояний (того же сновидения), да и в общем — из-за всеобщей изменчивости.

Так же некорректно разделять существование как акт действия и существующее как носителя этого действия (или качества). Равносильно было бы говорить: «Молния сверкает»; имеет место речевое разделение явления на явление и действие, им произведённое, хотя явление и состоит из одного своего действия (является самым действием — пример, отмеченный ещё Ф. Ницше). С чем-то подобным встречаемся мы и в выражении: «существующее существует», тавтологичным по своей сути. Здесь речевое излишество, большее, чем в выражении: я видел своими собственными глазами». В этом нет ничего равным счётом ничего дурного, если бы подобное тавтологическое «речевое излишество» не провоцировало бы представление о раздельности существования и существующего не только речью и в речи, но и во внеязыковом плане (недаром и экзистенциализм поддержал эту «онтологическую» (а по сути — речевую) иллюзию», ограничившись лишь переворачиванием членов дихотомии). А ведь существующее и есть его существование.

Вещь существует = вещь *существует* (существование вещи) = *вещь* существует.

Существование вещи не есть её (или не её, а чьё-либо ещё) действие, не есть её качество, а есть сама вещь, является самой этой вещью. Справедливо и обратное: вещь — является своим существованием.

Притом, будет справедливо (но далеко не во всех случаях), что существование нечто есть действие этого нечто, если само это нечто и является своим действием (см. пример с молнией: молния — субстанцированное в явление действие), а также, что

существование нечто — это качество этого нечто, если само это нечто есть его качество (нечто и является своим собственным качеством).

Оттого всякое существование (а само существование всегда конкретно и индивидуально, индивидуализировано (нет некоего общего существования, есть в лучшем случае существование многих), хотя сама категория существования совсем не конкретна) субстанцировано, и субстанцировано в так называемом своём носителе. Существование является своим существующим, а существующее является своим существованием (т.е. всякий существующий изначально, самим собою, онтологизирован. Сам собою он указывает, обрекает себя на своё существование).

Поэтому-то не будет ошибкой видеть в категории существования старую как мир категорию сущности (в аристотелевском её варианте — как то, что позволяет чему-либо являться собою, впрочем, некоторый «привкус» сделанности, отчуждения, усматриваемый в этом определении, здесь излишен). Любое сущство (вещь, явление..., в общем всё, взятое как индивидуальность (в т.ч. — в качестве отдельности)) — есть его существование. И любое существование, существование любого — субстанцировано в сущности (отсюда — возможно в речи, но неправомерно в онтологическом плане, разделение на сущность и существование: они не просто едины, они — одно). Существование субстанцируется в индивидуальных существующих. Отсюда, всё, что существует является сущностью (т.е. самим собой), хотя бы в силу того, что просто существует, вообще есть, наличествует, т.к. всё, что существует, существует как существующее и только как существующее: индивидуально. Невозможно существовать не индивидуально, не сущностно, в смысле — не самим собою.

Любое, в силу того, что оно — это оно, существует, а в силу того, что оно существует, оно — есть оно. Таким образом, любая вещь (явление, сущство...) собою обрекает себя на существование, а своим существованием обрекает себя на себя (обрекает себя являться собою).

Являться собою = существовать.

Существовать = являться собою.

Я = своё существование.

Я = существование Я.

Индивидуальность не следует в данном случае понимать в привычном узком смысле (в качестве принадлежности высокоразвитого мыслящего сущства), здесь помимо своего узкого смысла она выступает и в широком: как обозначение элементарной (хотя бы нумерической) особи, иногда

отдельности, просто — «способности» быть собой. Так же и «Я» — это не только и не столько местоимение, обозначающее самосознание, не «высшая» индивидуальность, а просто сигнификатор, под которым можно понимать что угодно (процесс, вещь...), «именительная форма» от «самого себя», «себя», которые, впрочем, тоже могут вызвать недоумение, ведь своей формой они указывают на некую самообращённость, на отношение к себе, а на это не все и не всё способно.

Субстанцированность также не следует абсолютизировать и буквализировать, воображая, что подчёркивается статичность, неизменность, а процессуальность теряется. Её просто следует иметь в виду. Также и в словосочетании «являться самим собою» не имеется в виду качественная сторона (в смысле: «быть таким, а не иным») или временная (по которой, «являться самим собою» = «сохраняться, оставаться самим собою, т.е. таким как и прежде»); в данном же случае, это словосочетание употребляется в максимально возможном широком смысле, который допускает самые разнообразные, даже взаимоисключающие толкования, ведь иное способно «являться собою» только не являясь самим собою (скользящая идентификация).

Таким образом, можно сделать вывод, что категория существования — безотносительна: что существует, то существует (в т.ч. и кентавры), другое дело — *как* существует, и вот здесь нам требуется понятие реальности, притом двоякое понятие: реальность как некая условность (реальность условности) и реальность как нечто безусловное.

Оба эти подхода встречаются во всех сферах жизни, притом и к самой условности можно выделить два различных подхода:

1. отказ условности в её условности, «о-взавправдошничество» и
2. выхолащивание условности до полной условности, фиктивности, отрицание какой-либо жизненности.

Наиболее характерны эти подходы именно для сновидений, но наиболее доминирующим является всё же именно первый, так как во сне пропадает чувство культурной условности; самое фантастическое воспринимается как взавправдошнее, но это естественное восприятие: условность — принадлежность отстраненной реальности, где самое правдоподобное является в лучшем случае удвоением, повторением, отражением жизни, а не самой жизнью. А всё, что происходит в непосредственной реальности, сколь фантастическим оно ни было бы, в качестве части этой реальности, вполне адекватно воспринимается реальным, жизнью.

Дело не в фантастичности/правдоподобию объекта восприятия, а в наличии/отсутствии онтологической границы, разделяющей объект нашего восприятия от нас самих. Если она есть, значит перед нами «фиктивная реальность, повторение жизни», а не сама наша реальность во всей жизненной непосредственности, не сама жизнь, несмотря на убедительное правдоподобие этой жизнеподобной иллюзии. Конечно, сама граница может зависеть от нашего отношения к объекту. Но если во сне объект в зависимости от нашего восприятия его действительным или условным, становится действительным или условным, то наяву обычно не онтологическая граница (а значит и онтологический статус объекта) задаётся особенностями нашего восприятия объекта, а наше восприятие задается наличной онтологической границей (-разницей) и должно ей соответствовать, и уже по степени соответствия можно судить об адекватности/неадекватности нашего восприятия. Эти можно играть. Онтологическая рамка происходящего не всегда ясна и не всегда определяется контекстом (оттого крик: «Пожар!» в театре — это часть пьесы (условность) или предупреждение о наличной опасности (действительности?)). Онтологическая рамка есть для условного и действительного, но не всегда есть критерии определения этой рамки, особенно когда объект одного онтологического статуса находится в контексте иного онтологического статуса, или когда в качестве посредника одной реальности выступает другая.

Есть взаимопротекание условного-действительного, наяву зависящие от нашего отношения к ним: они приобретают тот онтологический статус, ту степень действительности (взаправдошности) или условности («фиктивности», притворства, игры, ненастоящести), которую мы придаёт своим отношением. Так происходит и с самими реальностями сна и яви. Во сне обычно именно отношение к самому сновидению как к яви (т.е. как к действительности) превращает реальность этого сновидения в действительность для сновидца (1), иногда до чрезмерности. А осознание сновидения в качестве не более чем сна (хоть внутри этого сновидения (как в осознанных сновидениях), хоть после пробуждения) мигом превращает реальность сновидения в отстранённую для сновидца реальность, как в что-то условное, ненастоящее, иллюзорное — и в крайности может осуществиться второй подход (2): вместе со «всамоделешностью» со сновидения снимаются последние остатки осмысленности — это условность, которую лишают даже значения условности.

И так же может быть и с явью наяву же: отношением к яви как к чему

то иллюзорному можно превратить явь для себя в набор придуманных, ненастоящих, фиктивных происшествий, нереальных и бессмысленных. Такое происходит при «большом сознании» и вообще в ситуациях невозможности выстроить между собой и происходящим адекватные отношения, в ситуациях «непонимания», когда чувствуешь себя выпавшим из реальности, а значит,— отстранённым от непосредственности своего проживания.

Особенно сложно судить об онтологическом статусе (а значит, о «действительности» — условности (иллюзорности, придуманности)) тех происшествий, которые передаются посредством иных (отстранённых) реальностей — это касается событий, которые, переводясь в *сообщения о событиях*, автоматически вводятся в контекст (онтологическую рамку семиотической реальности, отстранённой, а значит, условной по определению, тем самым сами приобретают условный характер. И как из принципиальной условности сообщений о событиях судить о действительности/ условности (всамоделешности/придуманности) этих событий? Как судить об их первоначальном онтологическом статусе, если они поневоле и обязательно теряют этот статус при переводе их в контекст реальности иного онтологического статуса.

Парадокс: знать о событиях мы нередко можем лишь через сообщения об этих событиях (не все же события непосредственно переживаются нами), но судить об онтологическом статусе этих событий (об их действительности), т.е. о самих событиях как таковых, мы не можем из этих сообщений. Между сообщениями о событиях и самими событиями, т.е. между отстранённой реальностью условности и непосредственной реальностью действительности (жизни) — неустранимая, непроходимая онтологическая пропасть, которую никакие средства, приборы не смогут устранить, а разве что только углубить, т.к. именно через приборы наиболее эффективно осуществляется отстранение непосредственной реальности в условную.

Мы живём в семиотической реальности сообщений — живём в условной, отстранённой, но непосредственно жить в ней не можем, а если сможем, то её условность станет нам действительностью, как для иных больных действительна условность романов, кино и т.д. Но никакое доверие фактически не устраняет онтологическую границу (-разницу), разве что начинают жить действительно в условном, не как в действительности, а действительно (что автоматически переводит условную реальность в непосредственную, которая сущностно характеризуется как реальность

проживания, непосредственного и полного), что невозможно для принципиально условных реальностей: ведь нельзя же пролезть буквально и целиком в содержание книги, в экран телевизора, компьютера и зажить там. Такое возможно лишь для реальностей яви, сновидения, изменённых состояний сознания — реальностей, создаваемых не искусственными средствами, а самим человеком, в которых он способен непосредственно жить как в наличной реальности. Это реальности переходного онтологического статуса, которые могут быть и непосредственными и условными (всамоделешными и вымышленными (не всякая условность вымыслена, но всякая вымышленность — условна, недействительна), но всё же в наибольшей степени онтологическим статусом действительности обладает объективная реальность яви, в которой и которой человек живёт всегда, всегда всецело присутствует как существующий (на протяжении жизни), по крайней мере телесно, даже когда в сознании и сознанием переживает иные реальности (того же сновидения) как непосредственные реальности, т.е. как действительность.

Определение: Действительностью я называю то состояние реальности, которое характеризуется непосредственностью проживания человека, полным (всецелым) существованием человека в ней.

Недействительностью (=условностью) я называю то состояние реальности, при котором данная реальность воспринимается (и является) отстранённой, при которой человек не существует (иногда принципиально) непосредственно и всецело, не присутствует в своей наличности.

Отсюда можно более чётко установить разницу между действительностью, существованием и реальностью.

Человек может существовать и в недействительной реальности, но существовать не всецело и не непосредственно, а частично (например, в качестве собственного образа) и опосредовано (описаниями и т.п.). Вэтом-то и кроется источник сомнения в действительности сновидческой (онейрической) реальности даже на момент, когда человек спит (сновидения для бодрствующего человека по определению (вышеназванному) — не действительность!): действительность ли это или не действительность для сновидца? Есть принципиальные недействительности: те же сновидения в бодрствовании, произведения искусства, тексты (в т.ч. и не выдуманные) — по определению.

Но сновидение для сновидца отличается от сновидений для бодрствующего и текстов тем, что к нему не просто относятся «со стороны», а в нём существуют, не просто существуют, а существуют *самим*

собою, всем собою, т.е. не просто в нём и им живут (как можно «жить в тексте», сопереживая героям или в качестве персонажа либо собственного произведения (в автобиографии), либо чужого), а живут самим собою, не отчуждённым (в качестве образа, персонажа) от непосредственности, неотчуждимости собственной самости, а потому живут не просто как в действительности, а живут действительно.

Ни в каких текстах просто нельзя настолько жить самим собою (в которые и проникнуть собою просто невозможно) как в сновидениях.

Действительной (действительностью) для человека является та реальность, в которой и во время которой он непосредственно и всецело существует самим собою.

В этом определении соединяются (а можно и взаимоопределять друг через друга) несколько важных взаимокоррелирующих понятий: действительность, реальность, существование, время, человек, самость человека («самость» вещей, явлений — это их сущность), которые отличаются друг от друга (притом существование человека — это и есть его самость. Существовать можно лишь самим собою). А потому определение недействительности следует скорректировать:

Недействительностью (недействительной) для человека является та реальность, в которой и во время которой (или в любой момент — для принципиально недействительных), он не может существовать самим собою, а разве что только пребывать в качестве отчуждённых проявлений его самого, не являющихся им самим.

Из этих определений вытекают следующие положения:

Далеко не всё, что существует — действительно (является действительностью); можно существовать и не действительно (но не человеку как таковому), т.е. вымыслено, условно (как кентаврам), но зато всё, что действительно — существует.

То, что реально — существует (но не: всё что существует — реально (есть разные степени и критерии реальности)).

То, что действительно — реально (но не: всё что реально — то действительно (есть реальности, которые не относятся к сфере действительности)).

Тексты (а в качестве текстов могут выступать и сновидения), и художественные и нехудожественные, оперируют исключительно с недействительными фактами (факты действительны лишь в контексте действительности, т.е. в сновидении для спящего, наяву для бодрствующего), т.к. содержат в себе не факты, а сообщения о

фактах, но эти факты и в качестве сообщения о фактах — являются существующими. Будем называть эти факты-в-качестве-сообщения-о-фактах — *текстуальными фактами*. Они существуют в тексте, хотя не существуют в действительности — и не оттого что лживы, а из-за того, что они просто-напросто как текстуальные, т.е. условные, факты просто не могут существовать в реальности иного онтологического статуса, чем они сами. За счёт своей условной текстуальной природы они принадлежат текстуальной, условной реальности и относятся к действительности — опосредовано (своей реальностью) и в качестве отстранённой реальности (не следует смущаться тем, что я сами факты назвала реальностью — ошибки здесь нет: факты существуют в реальности и обладают реальностью).

Отличие текстуальных фактов художественного текста от текстуальных фактов нехудожественного текста в том, что первые текстуальные факты — вымышленная недействительность, а вторые — невымышленная недействительность, в качестве невымысленности соотносимая с действительностью и проверяемая, т.к., несмотря на онтологическую разницу между ними, есть взаимопричастность в том, что невымышленная недействительность является сообщением о действительности и в качестве таковой, верифицируема.

Истинность, ложность (в аристотелевском варианте) возникает при сопоставлении друг с другом элементов сравниваемых (онтологически разных) реальностей как соответствие/ несоответствие этих элементов. По Аристотелю, сопоставляются элементы трех реальностей: субъективной (мышления) — семиотической (высказывания) и объективной («положение дел»). Это разнородные по онтологическому статусу реальности, но именно на их пересечении (а не только — внутри каждой из них) возникает такой феномен как истинность/ложность (по теории соответствия).

Сновидение, пока оно снится, оперирует с существующими и действительными фактами (недаром во сне мы ничему не поражаемся, воспринимая происходящее как само собою разумеющееся); после пробуждения же сновидческие факты — существующи (как существуют в действительности и текстуальные факты как факты иной реальности), но уже недействительны (вступает в права иная действительность), но внутри действительности сновидения они действительны.

Сновидение как и текст может оперировать сообщениями о фактах действительности (яви), т.е. невымышленными, проверяемыми

сопоставлением с действительностью яви, сновидческими фактами, а могут оперировать и «собственными» фактами. Отличие от текстуальных фактов в том, что если в тексте все факты — принципиально текстуальны, т.е. являются сообщениями о фактах, а не самими фактами, то в сновидении это сами факты. Притом, сновидческие факты становятся сообщениями о фактах (яви), т.е. недействительностью (раз — сообщения), хоть и невымышленной (а зачастую — вымышленной), не раньше, не раньше, чем само сновидение станет недействительностью, т.е. не раньше пробуждения или осознания сна сном во сне же, что автоматически меняет онтологический статус сновидения со статуса действительности (т.е. непосредственной реальности) на статус вымышленной/ невымышленной (пророческой) недействительности, семиотической реальности. Сновидение, перестав сниться, вместо самодостаточной самодовлеющей действительности начинает восприниматься сообщением о действительности, притом не о своей действительности, а о действительности яви (психологической стороной яви). *Меняется регистр восприятия сновидения:* от восприятия сновидения как своеобразной жизни, отдельной повседневности к восприятию сновидения (наяву) как символического представления — отражения жизни яви (в т.ч. и психологической жизни), где сновидение выступает в качестве посредующей, промежуточной реальности между бессознательной и сознательной стороной сновидца или между божественным царством и сновидцем. Как вторичная по отношению к яви реальность, играющая служебную роль — так воспринимается сновидение на Яву и со стороны яви (и во сне, когда вспоминают, что сновидение — это сон, а не явь).

Во сне же сновидение воспринимает себя как самодостаточную действительность, самостоятельную, отдельную реальность, такой же как реальность яви, оттого и принимает себя за явь, путает с явью, а зачастую даже не задумывается, как не задумываются о несомненной очевидности.

Но дело здесь не в ограниченности, догматизме, неплюралистичности нашего мышления: восприятие следует своему естественному предпочтению, онтологически обусловленному. Дело в том, что восприятие действительности действительностью меняется при её смене на другую.

И не ясно: изменение ли восприятия действительности действительностью меняет действительность или смена одной действительности на другую изменяет восприятие действительности действительностью? (Изменение нашего восприятия позволяет нам во сне относиться к сновидению как к действительности или наше пребывание в

сновидении как в действительности изменяет наше восприятие сновидения (по сравнению с его восприятием наяву)?). Скорее всего это одновременные процессы и даже единый процесс: ведь действительно для нас то, в чём мы существуем самими собою, так что действительность нельзя оторвать, отделить от нашей самости, от нашего самосознания, которое может приобретать весьма специфические формы и которое способно перескакивать в разные реальности (да и сами реальности — разве это не определённые формы самосознания: путешествуя по разным реальностям, мы путешествуем по разным уровням собственного сознания), так что для иных (психически больных?) их действительностью, как это не странно, будет реальность изменённых состояний сознания (= «изменённая» самость).

Впрочем, своеобразие сновидческой реальности как раз и заключается в том, что она способна сосуществовать в обоих онтологических регистрах одновременно — в качестве «речевого акта». «Речь сновидческих событий, обращённая к сновидцу» — вот сновидение как речевой акт. И не стоит делить сновидение на:

1) сновидение как акт, действие — как действительность во время, пока оно снится и на

2) сновидение как речь, семиотическая реальность, условная реальность (сообщение) — после пробуждения.

Как речевой акт сновидение совмещает в себе одновременно (и даже без смены онтологических регистров) и свою действительность как непосредственность событий, действий и свою условность как реальность речевого сообщения. Ведь оно не просто сообщение, оно — *сообщение, которое самим фактом своего сообщения производит ту реальность (притом, действительную!)*, о которой сообщает. Это авторепрезентация, сообщение собою о себе и посредством себя. Если объективная реальность яви может нести функцию сообщения дополнительным образом, то для сновидческой реальности это не просто одна из функций, это её сущность. Реальность яви может существовать и без того, чтобы её кто-то воспринимал (в т.ч. и в качестве сообщения), то реальность сновидения никак не может существовать без того, чтобы быть воспринятой, да и существует только в качестве воспринятой кем-то, в качестве сообщения для кого-то.

Сновидение в этом качестве идеологично, даже тоталитарно: сообщением о реальности оно не просто замещает реальность, а создаёт её, притом — как действительность. Этот сновидческий «тоталитаризм» (при

всей плюралистичности содержания сновидения!) разоблачить труднее, чем политический: для этого придётся не просто встать над ним, а вырваться из себя, разоблачить свой внутренний тоталитаризм, фактически себя, вскрыть пустышечность тех пустышек, которые составляют собственную действительность сновидца. Так вскрывают ложность (пустоту) бредовых навязчивых идей иных больных, для которых они составляют их действительность, т.е. ту реальность, в которой и которой больные живут всецело погруженными.

А потому плюралистическая множественность возможных жизненных миров, способов существования, не станет ли страшной, когда из возможности, альтернативности перейдёт в действительность, притом единственную? И всё странное своеобразие, плюрализм форм существования, сознания, поведения, моральных и иных норм, сновидений приемлемо только до тех пор, пока оно ограничивается рамками сновидения. Страшен был бы сон, ставший явью. Недаром в психиатрии выделяют в качестве психического заболевания — онейрическое (снопоподобное) состояние сознания, когда человек наяву живёт как в своём сне, не отличая и не различая эти реальности. Так что — одно дело, воплощая плюрализм представлений, признавать (и это стоит делать!) аксиологическую равноценность различных форм существования, жизнеустройства, реальностей (не только яви и сна), состояний сознания, во всём их разнообразии и не везде допустимом своеобразии, но другое дело — пытаться реализовать их в тех сферах, где они не только не допустимы, но и весьма чреваты самыми дурными последствиями (есть случаи, когда параноики осуществляли садистские образы своих сновидений, фантазий наяву). Признавая (и доказывая) далеко не вторичную, не сводимую к обслуживанию яви, роль сновидения, более того — его действительность, равноценную и не заменимую действительности яви, я считаю не лишним подчеркнуть их неизбывное различие, онтологически обусловленное, а потому неустранимое. Я попыталась теоретически выявить и обосновать онтологическую несовместимость («пропасть») реальностей разного онтологического статуса (в основном на примере объективной, онейрической и семиотической), с тем, чтобы показать, насколько изначально, ещё на уровне онтологии, различны эти реальности, а потому было не правомерно судить одну реальность (например, явь) по критериям другой (той же художественной реальности): в лучшем случае, это приведет к аморфному, пренебрегающему спецификой сопоставляемых реальностей, смешению. А поистине плюралистический

подход состоит, по-моему, как раз в противоположном, а иначе к чему множественность подходов, реальностей, форм бытия и сознания, если мы потеряем их специфическое разнообразие? Надеюсь, что в своей работе я, хотя и только частью, на ограниченном материале, сумела установить это «специфическое разнообразие» некоторых видов реальностей, тем интересное и важное, что оно онтологически предустановленно.